

О книге избранного К.Васильева

Татьяна Глушакова

В сборнике «Избранное» Константина Васильева поэт предстаёт перед читателями как преемник, главным образом, традиции английских романтиков и французских «проклятых» поэтов.

Наиболее явно проявляется эта традиция в следующем стихотворении: «Вокруг Борисоглебских стен / и я гуляю как / мертвецки пьяный Поль Верлен, – / из кабака в кабаки / И дождевая льётся с крыш / холодная вода. / И даже спяну мне Париж / не снится никогда. / Тепло и сухо в кабаке. / Бутылка на столе. Огонь в глазах, стакан в руке, и прошлое в земле. / А на земле – мертвецки пьян, / бредёт вдоль этих стен, / держа в руке пустой стакан, мой братец Поль Верлен.»

Поза «проклятого поэта» настораживает. Она как-то не вяжется ни с общим провинциальным пейзажем, ни с литературным ландшафтом конца 1990-х; воспринимается как нечто совершенно неуместное, нескромное.

Но почему на ней так настаивает Васильев? Почему он намеренно, в лоб рифмует борисоглебские стены и парижские кабаки, называет братьями и верными друзьями себя и Верлена?

Поза «проклятого поэта» одно из проявлений маргинальности, именно маргиналом считает себя лирический герой К. Васильева. Маргинальность – наиболее важное, постоянно акцентируемое поэтом в конце 1990-х понятие.

Традиционно в науке маргинальность (от лат. *margo* - граница, грань, край, *marginalis* - находящийся на краю) - это понятие, которое используется для анализа пограничного положения личности или группы по отношению к какой-либо социальной общности. Оно подчеркивает особый социальный статус (обычно - низкий), принадлежность к меньшинству, которое находится на границе или вне социальной структуры, ведет образ жизни и исповедует ценности, отличающиеся от общепринятой нормы (пример - контркультура).

Так сложилось исторически, что маргинальность в основном понимается как нечто негативное, второстепенное, вторичное, так как обычно сравнивается с нормой (социальной, антропологической, этической, медицинской), любое отклонение от которой воспринимается как нарушение, угроза, преступление или болезнь. в результате появляются фигуры умолчания: смерть, боль, безумие, извращение, пьянство. Однако именно то, о чем стараются не упоминать, стремятся забыть - и оказывается наиболее важным, главным для понимания человеческого бытия.

В сборнике этому понятию посвящены критические «Заметки маргинала или Трактат о злобе» и стихотворная «Песенка маргинала». Создаётся впечатление, что именование себя маргиналом имеет у Васильева характер вызова традиционно высокому социальному статусу поэта, тем более, что, например, «Песенка» написана «поверх» песни «Как хорошо быть генералом»: «...Как хорошо быть маргиналом. / Как хорошо быть маргиналом. / Лучше работы я вам, сеньоры не назову. / Я на земле доволен малым. / Я на земле доволен малым. / Ибо великим, ибо небесным светом живу...». Поэт, считает Васильев, вне власти, он сам по себе. Независимая инстанция, способная, если надо, сказать людям правду, не боясь пожертвовать при этом собственным благополучием. Понятие "маргинальность" имеет и другое измерение, так как выражает возможность находиться на краю, на границе человеческой реальности в целом, а также процесса перехода, пересечения границы или достижения и преодоления предела. О том же пишет поэт: «...Пусть люди топчутся в пыли – / гуляю по краю земли, / не замечая никого. / Зато душа моя жива, / и долетят мои слова, / до Бога самого...»

К. Васильев пишет о необходимости формирования новой маргинальной элиты, способной спасти Россию от очередного моря крови. Вряд ли стоит упрекать поэта в надмирности и отстранённости, в высокомерии и нежелании быть услышанным обычными людьми. Эта позиция выстрадана Васильевым, оправдана не только всей его жизнью, но и эпохой.

Вероятно, понятие маргинальности было важно для К. Васильева потому, что было своего рода ключом к пониманию периода 1980-х –1990-х. В стихотворениях и статьях Васильева тех лет

открывается специфическая маргинальная, ментальность, характерная для ситуаций перехода (социальных ломов, реформ, катастроф). Ёе типичные темы – (черный) юмор, повышенное вниманием к теме смерти, катастрофизм, сюжет конца света, мистицизм. Именно на рубеже 1980–90-х наиболее актуальным определением поэзии в России становятся слова Ходасевича о «перекличке поэтов во мраке». Именно тогда поэт осознаёт, что должен заниматься пусть безнадёжным и никому не нужным, но своим делом.

Вторая причина в том, что поэт, как и любая творческая личность, всегда маргинал. Пророки и художники имеют склонность к маргинальности, это "пограничные люди". Известна бахтинская мысль о том, что культура творится на границе культур. Прогресс, творческие идеи, новая практика просачиваются с окраин и исходят от слабых, маргиналов и отверженных. Таким сознательным отщепенцем видит себя и К. Васильев. Он пишет о Ходасевиче, Анненском, Георгии Иванове как о «негромких» поэтах. Таковым, по-видимому, представляет он и себя. «Негромкий» поэт – тот, кого не услышали современники, и тот, кто по закону «последствия» выдержал испытание временем: «Я не рассчитываю, что вас / коснутся звуки струн моих, / что долетит до вас мой голос, / он и теперь спокойно-тих. / И все-таки пою я громче, / чем соловей в ночной тиши, /чтоб никакой Великий Кормчий / не портил музыку души...»

Характерна парадоксальность последних строк. Поэт всегда имеет дело с непознаваемым, внерациональным, противоречивым, парадоксальным, абсурдным, он выходит за предел. В этом есть тоже проявление его маргинального статуса.

Маргинальность поэзии К. Васильева в том, что последняя для него всегда сопряжена с риском. Это – специфический и даже уникальный опыт, который переживается лишь в экстремальных и пограничных ситуациях (таких, как рождение и смерть, болезнь и катастрофа, смех и плач, восторг и ужас, боль и удовольствие, гениальность и сумасшествие, самоубийство и преступление). Этот опыт неповторим и необратим. Поэт всегда оппозиционен. Он бросает вызов существующему миропорядку, зная при этом, что ступает на гибельный путь. Поэт, по мнению Васильева, занимается смертельно серьёзным делом. Поэзия не может быть «забавой пьяного прапорщика» (Кюхельбекер), обычным средством самовыражения, связанным с какой-то житейской целью. Понятию маргинальности К. Васильев посвящает ряд наблюдений в книге эссе «Россия. Блок. Двенадцать», которую он писал на протяжении всей своей жизни.

«Маргинальный синдром, – делает поэт выдержки из философского альманаха, – предполагает не просто беспощадность по отношению к себе и к людям. Он сопряжен с повышенной тревожностью, страхом потаённым чувством собственной неполноценности и агрессией.

Маргиналы, как правило, отличаются гипертрофированным символизмом поведения – театральностью и показушным надрывом, граничащим с истерией...»

По мнению Васильева, двенадцать красногвардейцев в поэме А. Блока так же, как и он сам, являются носителями маргинального сознания. Более того – это не просто маргиналы, это организованные маргиналы, это разрушительная сила, сборище оголтелых фанатиков, готовых на преступление. Поэт в выбранной им пограничной ситуации честно признаёт своё неминуемое тождество с преступником. В «Трактате о злобе» Васильев сравнивает поэта с волком, способным, если придётся, нападать и огрызаться.

Понятие маргинальности в поэзии и жизненной позиции Васильева, на наш взгляд, свидетельствует об отказе свести сущность человека к одному основному принципу или идее, оно ведёт к представлению о сложности и многомерности человеческого бытия и невыразимости (неуловимости, парадоксальности) природы человека. Литературное наследие Константина Васильева открывает читателю нелинейное пространство самоидентификации поэта, жившего на рубеже нынешней и ушедшей эпох.